

Неизданное стихотворение Н. И. Пирогова.

Сонъ.

Житейскими заботами и горемъ утомленный,
Измученный бессонницей и смутами души,
Я сна спокойнаго молилъ у Провидѣнья.
Оно услышало меня,—
И послѣ нѣсколькихъ мгновеній молитвы теплою
Сладкій сонъ—посланникъ Неба—сошелъ и освѣнилъ меня:
Сомкнулись вѣжды, дыханье стихло,
Склонилася на грудь,
Страданьями и вздохами стѣсненную, глава.
И мнилось, что я изъ жизни сей,
Исполненной заботъ, обманчивыхъ надеждъ и тревоженій,
Въ другую, лучшую, на мигъ одинъ переселился.
Какъ сладко было мнѣ забыть
Земныхъ тревогъ, бушующихъ страстей орканы.
Какъ сладко было мнѣ
Эфирнымъ воздухомъ стѣсненную расширить грудь.
Съ какимъ презрѣньемъ я,
Отъ бранныхъ узъ освободясь,
Смотрѣлъ на тлѣнїе и прахъ оставленной земли.
Я жилъ и чувствовалъ
Въ тѣ краткія и сладкія мгновенья,
Не чрезъ врата обманчивыхъ
Наружныхъ чувствъ взимая впечатлѣнья,
Не ложно умствуя
И не гоняся за призракомъ мечты.
Я живо ощущалъ, что сдѣлался частицею
Какого-то высокаго Начала,
Которое, согрѣвъ и озаря меня, влекло къ себѣ.

Я съ нимъ сливаюсь,
 И все земное зло меня оставило
 И увлекло съ собой печальную идею разрушенья.
 Я потерялъ различіе начала отъ конца.
 И настоящее такъ съ будущимъ во мнѣ слилося,
 Что я не зналъ, живу ли я
 Иль буду только жить.
 Прошедшее, воспоминаній грустныхъ полно, унеслося,
 И свѣтъ, не тотъ, который мы привыкли
 Здѣсь смотрѣть однѣхъ очей окнами,
 Не сотрясеніе невѣдомыхъ частиць,
 Но слитіе всего высокаго, прекраснаго, святаго,—
 Проникъ меня, гармоніей по мнѣ разлился.
 И все, что на землѣ казалось загадочнымъ и темнымъ,
 Мнѣ тамъ стало яснымъ.
 Исчезли ночи, мракъ,
 Съ очей души низринулась завѣса;
 Всѣ изысканія ума,
 Однѣхъ предположеній дерзкихъ полны,
 Тамъ убѣжденіемъ и вѣрой чистой замѣнились;
 Тотъ міръ, въ который я
 Однимъ полетомъ перенесся,
 И я мое, какъ двѣ струи,
 Въ одну струю стеклися.
 Всѣ разногласія борьбы,
 Вліянія житейскихъ смуть окончились.
 Всѣ ощущенія въ одно слилися.
 Одно лишь ощущеніе безсмертія
 И къ вѣчному стремленіе Началу
 Составили меня и замѣнили мнѣ
 Всѣхъ благъ земли, всѣхъ наслажденій сладость.
 Вопросъ—къ чему, куда стремлюся,
 Зачѣмъ терплю, веду борьбу?—рѣшился.
 Отвѣтъ не въ умозрѣніяхъ, а въ чувствахъ находился.
 Понятіе о времени исчезло.
 И такъ, не знаю, долго ли,
 Восторженный, я въ тѣхъ предѣлахъ обрѣтался;
 Не помню, какъ, когда
 Въ матеріальный бытъ земли
 Опять я возвратился;
 Какъ отвлеченное во мнѣ
 Опять съ вещественнымъ слилося.

Отъ тѣхъ мгновеній краткихъ
 Мнѣ осталось одно, одно живое ощущенье,
 Такъ сходное съ стремленьемъ тѣмъ
 Къ Предвѣчному Началу,
 Такъ съ ощущеніемъ безсмертія родное,
 Такъ точно сладкое, животворящее, святое...
 Оно одно изъ тѣхъ невѣдомыхъ предѣловъ
 Сошло со мной въ земную жизнь.
 Оно одно осталось мнѣ въ воспоминанье,
 Одно одно живить меня теперь и наполняетъ грудь,
 Оно одно напоминаетъ Небо, Вѣчность, высшій свѣтъ,
 Одно вселяетъ упованье
 И жить для жизни той велить.
 Любовь есть ощущенье то,—
 Оно одно со мной на землю возвратилось.

Н. Пироговъ.

3 октября 1842 г.

Это стихотвореніе Николая Ивановича Пирогова представляетъ, помимо историко-литературнаго интереса, еще цѣнный документъ для выясненія развитія его религіозно-философскихъ идей. Въ этомъ отношеніи оно тѣсно примыкаетъ къ напечатанному мною въ „Русской Старинѣ“ за январь и февраль 1916 г. его религіозно-философскимъ письмамъ. Во вступительныхъ замѣткахъ къ этимъ письмамъ, а также къ опубликованнымъ въ майской книгѣ „Русской Старины“ за 1915 г., было отмѣчено ихъ значеніе для изслѣдованія развитія міровоззрѣнія Пирогова, изложеннаго въ „Дневникѣ стараго врача“ (писался въ 1879—1881 гг., напечатанъ въ „Русской Старинѣ“ 1884—1887 гг.).

Всѣ сохранившіяся письма Н. И. Пирогова къ А. А. Бистромъ относятся къ 1850 году и даютъ ясное представленіе о религіозныхъ воззрѣніяхъ гениальнаго хирурга, въ пору его выдающейся научной славы и громадной врачебной популярности. Н. И. Пирогову было тогда 40 лѣтъ отъ роду, онъ былъ уже нѣсколько лѣтъ вдовцомъ, имѣя двухъ сыновей, о воспитаніи которыхъ много думалъ. Размышляя о вопросахъ воспитанія и излагая свои взгляды на этотъ предметъ въ письмахъ къ А. А. Бистромъ, Пироговъ касался также въ нихъ другихъ вопросовъ жизни и, между прочимъ, подробно знакомилъ невѣсту со своими религіозными убѣжденіями.

Но, какъ уже было указано въ упомянутыхъ замѣткахъ („Русская Старина“, январь 1916 г.), Н. И. Пироговъ обратился къ вопросамъ религіи еще весной 1842 г. Къ этому времени относится тяжкая болѣзнь Н. И., приковавшая его на нѣсколько недѣль къ постели и отвлекшая его мысли отъ самоотверженныхъ научныхъ трудовъ, которымъ онъ отдавалъ по 18—20 часовъ въ сутки. Оторванный отъ привычной трудовой обстановки, поглощавшей всѣ его помыслы, Пироговъ въ своемъ вынужденномъ бездѣйствіи сталъ задумываться надъ вопросами религіи, которые до того совершенно не занимали его. „Во время этой болѣзни,—читаемъ въ „Дневникѣ“,—мнѣ въ первый разъ въ жизни пришла мысль объ упованіи въ Промыселъ. Что-то вдругъ, во время ночныхъ бессонницъ, какъ будто озарило сознание, и это слово—„упованіе“—безпрестанно у меня вертѣлось на языкѣ. И вмѣстѣ съ упованіемъ зародилась въ душѣ какая-то сладкая потребность семейной любви и семейнаго счастья... Я счелъ это за призывъ свыше, и какъ только совсѣмъ оправился, то и поспѣшилъ освѣдомиться, гдѣ живетъ теперь Екатерина Березина“...

Е. Д. Березина—первая жена Пирогова, мать его двухъ сыновей, была знакома Николаю Ивановичу еще съ Дерпта, гдѣ онъ часто встрѣчалъ ее въ домѣ своего учителя, И. Ф. Мойера. Несомнѣнно, въ письмахъ къ ней Н. И. касался и своихъ религіозныхъ взглядовъ, но впоследствии онъ отдалъ всѣ эти письма своей второй невѣстѣ, о чемъ и самъ сильно жалѣлъ. Тѣмъ болѣе долженъ жалѣть его біографъ, что въ собраніи рукописей Н. И. Пирогова сохранилось только одно письмо Н. И. къ Е. Д. Березиной (относящееся къ 1842 г. и опубликованное въ „Гол. Минувшаго“, іюнь, 1915 г.). Оно посвящено описанію любви 32-лѣтняго хирурга къ его первой невѣстѣ.

Въ виду этого стихотвореніе „Сонъ“ пріобрѣтаетъ особенное значеніе, какъ единственное документальное свидѣтельство происшедшаго въ началѣ 40-хъ годовъ поворота Н. И. Пирогова отъ матеріалистическаго міровоззрѣнія къ религіозному. Какъ характеризуетъ самъ Пироговъ это новое міровоззрѣніе—это была „религія дѣлъ“, это было стремленіе къ Идеалу земной жизни Спасителя, это была забота о преобладаніи животворящей любви къ людямъ надъ мертвящей буквой.

С. Штрайхъ.

